

с. 2.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Въ ноябрѣ появились двѣ вещи А. П. Чехова. Въ «Северномъ Вѣстникѣ» «Скучная исторія» (изъ записокъ стараго человѣка), — а въ «Артистѣ» «Предложеніе», шутка въ одномъ дѣйствіи.

Первая вещь изображаетъ старика-профессора, достигшаго большой извѣстности и почета, какъ авторитетъ въ наукѣ; но сожалеющаго, что онъ себя пережилъ, и какъ будто внезапно сдѣлавшаго открытіе, что въ теченіе своей продолжительной жизни онъ не имѣлъ ничего общаго съ лицами, его окружающими: съ женою, съ дочерью, существами совсѣмъ другаго порядка, съ другими вкусами, взглядами, задачами въ жизни. Даже любимая имъ воспитанница Катя, дочь его покойнаго товарища, порученная его попеченію, дѣвушка умная, чуткая, понимающая и цѣнящая его — и та ему чужая, и для той онъ, не смотря на любовь къ ней, никогда ничего не сдѣлалъ, а безсознательно предоставилъ воспитаніе и всю судьбу ея слѣпому случаю. И теперь, когда онъ дошелъ до такого сознанія, онъ безсилъ оказать ей помощь, о которой она къ нему взываетъ, хотя и знаетъ, что это его долгъ. Единственное, для чего въ немъ сохранилась еще жизнь, извѣстная энергія — это его кафедра. Но и тутъ онъ сознаетъ, что время его прошло, что пора-бы уступить мѣсто молодымъ силамъ, что онъ какой-то апа-хронизмъ. А отречься, уйти, не хватаетъ духа, потому что для него это равносильно смерти. Эта мысль его раздражаетъ и заставляетъ говорить и дѣйствовать совершенно

не согласно съ его характеромъ и убѣжденіями, обнаруживая злость, которая его природѣ не свойственна. Въ такомъ настроеніи онъ враждебно глядитъ на всѣхъ: и на товарища — профессора, посвѣщенію котораго нужно притворно радоваться, когда внутренне посылаетъ онъ его къ чорту, и на дышащаго молодостью, силой и здоровьемъ студента, пришедшаго вымолить удовлетворительную отмѣтку, въ которой онъ ему съ колкими пасмынками отказываетъ, советуя лучше бросить занятія и перейти на другой факультетъ съ послѣдняго курса; и на докторанта, пришедшаго просить его указать тему для диссертации, на что получаетъ рѣзкій отказъ съ ѣдкимъ замѣчаніемъ о безполезности всѣхъ диссертаций, пишущихся на чужую тему, подъ чужимъ руководствомъ и проч. Общество любимицы его, Катя, пріѣхавшей къ нему послѣ несчастнаго романческаго приключенія становиться для него на время истиннымъ убѣжищемъ. Туда онъ удаляется отъ пеналнаго домашняго круга, гдѣ завелся противный ухаживатель, за котораго жена его прочитъ дочь, и проводить спокойно вечера съ товарищемъ профессоромъ-филологомъ, за чаемъ, пасьяпсами, и бесѣдой. Но и это пассивное удовольствіе для него вскорѣ отравлено. Онъ замѣчаетъ сближеніе между Катей и своимъ товарищемъ, и это проявленіе молодой жизни, напоминающая о его собственномъ угасаніи, мало по мало смѣняетъ добрыя чувства къ этимъ лицамъ, на недружелюбныя. Они оба кажутся ему какими-то «жабами». Его дрихлающій организмъ инстинктивно возмущается противъ этого неотразимаго явленія, и онъ пассивно, такъ сказать, ведетъ глухую борьбу за существованіе. Другіе живутъ и здравствуютъ, любятъ, пишутъ диссертации, интересуются

наукой; а онъ — для него все это прошло, ему пора въ отставку, долой со сцены, онъ самъ видитъ, какъ на лекціяхъ его слушатели скучаютъ, его какъ бы терпятъ только за его славное имя и великое прошлое. Раздраженіе его переносится съ лицъ на все рѣшительно. «Признаюсь, я не питаю къ русскимъ авторамъ особаго расположенія», говоритъ онъ. «Исключалъ двухъ — трехъ стариковъ, вся нипѣшняя литература представляется мнѣ не литературой, а въ своемъ родѣ кустарнымъ промысломъ, существующимъ только для того, чтобы его поощрили, но не охотно пользовались его издѣліями». А между тѣмъ онъ этой литературы и не читалъ.

Его перевозятъ на дачу, гдѣ онъ приободрился, но не надолго. Видя, что онъ быстро опускается, жена, куда онъ еще живъ, спѣшитъ сгнать его въ Харьковъ, навѣдать справки о состоятельности молодого человѣка, предназначаемаго въ мужья его дочери. Будучи не въ силахъ сопротивляться, онъ ѣдетъ. Онъ совершенно безучастно узнаетъ въ Харьковѣ, что фамилія жениха вовсе тамъ даже неизвѣсна, что, стало быть, онъ самозванецъ, такъ же безучастно читаетъ телеграмму отъ жены о совершившемся тайно бракѣ дочери. Даже пріѣздъ Катя, явившейся за нимъ въ слѣдъ съ мольбой о совѣтѣ, о помощи, теперь уже оставляетъ его совершенно холоднымъ. Она въ отчаяніи уходить, а онъ, чувствуя, что его долгъ оказать ей участіе, смотритъ спокойно на ея удаленіе. Онъ въ сущности давно уже пересталъ жить, что сознаетъ, но и сознаніе это его нисколько не трогаетъ, онъ пересталъ имъ возмущаться. Преній его протестъ, становился все пассивнѣе, онъ прошелъ бесконечную градацию возрастающаго эгоизма и

пришел наконец к полнейшей апатии и к нравственному небытию.

Этот психологический процесс постепенной утраты жизни подмечен с обычной, свойственной таланту Чехова, наблюдательностью и передан мастерскими мелкими, но и мѣткими штрихами. Мѣстами въ уста профессора вложены сужденія и опредѣленія весьма оригинальныя, о разныхъ предметахъ: о театрѣ, о воспитаніи женщинъ, о наукѣ, о литературѣ, какъ приведено выше, о семейныхъ отношеніяхъ и проч.

„Предложеніе“ представляетъ изъ себя поворотъ далеко не „скучную исторію“, а уморительную шутку, особенно въ живомъ исполненіи.

Помѣщикъ Ломовъ, напавъ въ фракѣ и бѣлыхъ перчатки, является къ сосѣду Чубукову съ намѣреніемъ просить руки его дочери Натальи Степановны. Тому и невдомекъ и онъ опасается, что не денегъ ли займъ тотъ попроситъ. Какъ отлегло у него отъ сердца, когда онъ узналъ въ чемъ дѣло. Онъ искренно радъ случаю пристроить свою 25 лѣтнюю барышню, свое согласіе даетъ охотно, и идетъ за Наташей. Ломовъ, страдающій сердцебіеніемъ, въ страшномъ волненіи ждетъ появленія своей возлюбленной. Онъ конфузится, никакъ не можетъ высказаться, начинаетъ издали и доходить до этого капитальнаго пункта, обусловливаващаго 90% помѣщичьихъ браковъ—имѣнія наши, молъ, межа съ межей... „Мои Воловы Лужки“....

— Виновата, я васъ перебыю. Вы говорите „мои Воловы Лужки“... Да развѣ они ваши?

И тутъ начинается мало по малу объясненіе, переходящее въ пререканіе вслѣдствіе оскорбленнаго чувства „собственности“. На крики спорящихъ прибѣгаетъ отецъ, присоединяется къ дочери въ борьбѣ за права на Воловы Лужки, мимохо-

домъ стороны оскорбляютъ другъ друга въ лицѣ родственниковъ, даже предковъ, и удрученный припадкомъ сердцебіенія Ломовъ стремительно удаляется. Тутъ только Наташа узнаетъ изъ вырвавшихся у отца крика отчаянія, что дѣль Ломовскаго визита была—просить ея руки. „Вернуть его“ кричитъ зрѣлая дѣва, для которой унустить этотъ случай значить бросить раз навсегда всякія матримоніальныя мечты и дѣйствительно это удается. Вернувшемуся изнеможенному Ломову сразу она объявляетъ, что Воловы Лужки дѣйствительно его, и чтобы загладить неприятое впечатлѣніе ссоры предлагаетъ перемѣнить разговоръ. Переходятъ къ другому помѣщичьему интересу, къ охотѣ. Ломовъ сообщаетъ, что любимый его Угадай захромалъ; начинаютъ сравнивать достоинства Ломовскихъ собакъ съ Чубуковскими—и пошла опять потѣха. Ломовъ опять доведенъ до сердцебіенія, чуть не до аневризма. Чубуковъ опять на неистовые крики спорящихъ является, опять становится на сторону дочери, и битва происходитъ еще пуще прежней. Наконецъ Ломовъ падаетъ безъ чувствъ, Чубуковъ въ отчаяніи, думаетъ что онъ умеръ; но потомъ показываются легкіе признаки жизни, которыми отецъ пользуется, чтобы соединить руки Ломова и Наташи съ такимъ благословеніемъ: „Женитесь вы поскорѣй и ну васъ къ лѣтнему! Она согласна! Ну? Поцѣлуйтесь и.... и чортъ съ вами!“ Съ возвращеніемъ сознанія у Ломова первое слово опять объ Угадаѣ, и вновь готова возгорѣться война, но крики спорящихъ отецъ перекрываетъ возгласами: „шампанскаго! шампанскаго!“ при которыхъ занавѣсъ опускается.

А. Палея.